

HISTORIA
ROSSICA

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	7
<i>Благодарности</i>	10
<i>Примечание: имена, даты, транслитерация</i>	13
<i>Введение</i>	14
Историография	23
Источники	31
<i>Глава 1. «Сочетаться лучше с дочерью кого-нибудь из своих подданных». Возникновение смотров невест в Московии</i>	38
Русские и византийские смотры невест	40
Елена Ивановна и Александр Литовский	55
Династический кризис 1497–1502 годов	64
Первый смотр невест — Василий III и Соломония Сабурова	72
<i>Глава 2. «Не взирая на благородство или кровь».</i> <i>Выбор царской невесты</i>	91
Механизм смотров невест	93
Подбор невест	94
Сужая список	107
Отбор	110
Приоритет родства	116
Список потенциальных невест	123
Меняя идентичность невесты	133
<i>Глава 3. «Если женишься вторично, то будешь иметь злое чадо».</i> <i>Смотры невест и политическая культура Московии</i>	143
Василий III и Елена Глинская	146
Андрей Старицкий и боковые ветви династии	152
Иван IV и воссоздание династии	162
Повторные браки Ивана IV	175

<i>Глава 4. «Чтобы смягчить меланхолию». Многие жены Ивана IV</i>	186
Марфа Собакина и Анна Колтовская	189
Пять свадеб и вопрос наследования	205
Василиса	222
Семь жен Ивана IV	229
Каноничность последних браков Ивана IV	238
<i>Глава 5. «Учинить над тою обранною царевною, чтоб извести».</i> <i>Борьба и заговоры во время романовских смотров невест</i>	244
История с Хлоповой	246
Мария Долгорукова и Евдокия Стрешнева	269
История со Всеволожской	275
История с Беляевой	285
<i>Глава 6. «Зане сердце мое тя избрало».</i> <i>Последний смотр невест и возвращение иностранок</i>	294
Невеста без смотра невест	300
Свадьба без свадебного ритуала	307
Последние смотры невест	314
Династические браки в петровской России	331
<i>Эпилог</i>	346
<i>Приложение А. Выдержки из «Хронографа о браках</i> <i>царя Иоанна Васильевича»</i>	360
<i>Приложение В. Участницы смотров невест</i> <i>для царя Алексея Михайловича в 1670–1671 годах</i>	363
<i>Приложение С. Подарки, врученные участницам смотра невест,</i> <i>устроенного в 1680 году для царя Федора Алексеевича</i>	367
<i>Библиография</i>	369
<i>Указатель имен</i>	396

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Как-то раз одному из величайших американских историков современности, Бернарду Бейлину (1922–2020), задали вопрос: «Зачем изучать историю?» И он ответил: «Изучать историю нужно потому, что это расширяет опыт человека, это способ выйти за пределы своей жизни и культуры и увидеть больше того, что составляет наш опыт». Конечно, прежде всего и больше всего Бейлин думал о возможностях и проблемах современного исторического исследования своей страны. Бейлин был американцем, и предмет его исследования составляла история ранней американской нации — его нации. Например, его книга об истоках Американской революции стала классической. Ее до сих пор с упоением и пользой читают профессора, студенты и самый широкий круг читателей. Но глубокомысленный ответ Бейлина на вопрос «Зачем изучать историю?» лучше всего подходит тем, кто дерзает изучать прошлое не своей страны, а чужой. Этот путь вдвойне сложен из-за двух препятствий: первый барьер отделяет настоящее от прошедшего (что само по себе труднопреодолимо и о чем говорил Бейлин), а второй барьер отделяет чужестранца от культуры и опыта той страны, которую он изучает. Попытаться преодолеть эти препятствия и получить доступ к истории и культуре другой страны — волнующее испытание, и, что должен осознавать историк, на этом пути много рисков и ограничений. Как удачно сформулировал английский писатель Л.П. Хартли, «прошлое — чужая страна: они все делали тогда иначе».

Таким образом, браться за это двойное испытание по изучению прошлого другой страны нужно с уважением и дотошностью. Необходимо с головой погрузиться в эту культуру, язык и цивилизацию. Но вместе с тем необходимо позволить себе «быть чужестранцем» — мы должны применять те методы

и способы мышления, в которых натренировались в родных университетах. «Быть чужестранцем» — это ключ к перспективам, которые не открылись бы нам, если бы мы были рождены в этой стране. Очевидно, что и иностранец, и отечественный ученый могут внести существенный и оригинальный вклад в изучение русской истории и культуры. И диалог, возникающий между этими учеными, становится важнейшим средством постижения истории в целом.

Серия переводов издательства «Новое литературное обозрение» (НЛО) стала проверенным и авторитетным форумом для такого диалога. Я очень рад, что моя книга «Невеста для царя» добавлена в список переводов западных исследователей России. Мне будет любопытно узнать, как мои российские коллеги и любители истории откликнутся на идеи, высказанные на страницах книги. Читатели увидят знакомые нарративы, потому что в некотором роде эта книга подтверждает многие исторические факты, ставшие аксиомами, — такие, как, например, культурные и религиозные связи между Византией и Москвой в раннее Новое время. Другие положения покажутся новыми и, соответственно, «чужими». Мои заключения о природе и масштабе монархической власти в Московии, например, во многом сформированы во время учебы в Гарварде у профессора Эдварда Кинана. При этом мой взгляд на историю, которым я проникся у Кинана, в свою очередь, заимствован им у великого русского историка Степана Борисовича Веселовского, чьими работами (а также мужеством и независимым мышлением) я, как и многие другие, до сих пор вдохновляюсь. Можно пойти дальше в глубь веков и отдать должное работе Ивана Егоровича Забелина, открывшего дверь изучению частной жизни российских правителей. Для меня история смотров невест, впервые тщательно изученная в этой книге, указывает на иной вид монархии, нежели мы привыкли видеть, — на форму монархии более коллективную, ограниченную и основанную на родстве (а не на классовости), т. е. отчасти сходную с некоторыми христианскими европейскими монархиями раннего Нового времени. Другими словами, в книге оспаривается традиционный взгляд на монархическую власть (по крайней мере, в раннее Новое время), согласно которому великий князь, а позднее царь, обладал

неограниченной властью. Для кого-то это заявление может стать интригующим или даже шокирующим, но так говорят источники, и существует целая историографическая традиция, которой следуют и русские (Веселовский), и американские (Кинан) ученые. Разумеется, я не первый историк, объединяющий тех и других, что станет ясно моим читателям с начальных страниц книги. Но в исследовании смотров невест эти направления объединены впервые.

Перевод «Невесты для царя» является во многом не только переводом, но и отредактированной версией книги. Мне предоставили возможность исправить некоторые ошибки американского издания, а перевод устранил и опечатки, допущенные в английском тексте. Тем не менее эта книга — точный перевод оригинала. Я благодарю Ирину Прохорову, главного редактора НЛО, за предоставленную мне возможность издать свою книгу в русском переводе, Ирину Жданову, вдохновившую меня на написание этого предисловия, и всех сотрудников издательства, работавших над книгой. Особенно благодарен я Алине Шокаревой, чей перевод элегантен и точен. И наконец, я признателен Сергею Шокареву, моему коллеге и другу, который тщательно прочел текст книги и помог выявить ошибки и несоответствия. Его помощь является примером сотрудничества и диалога между русскими и иностранными учеными, о чем я писал выше. Я очень надеюсь, что русский читатель увидит в книге мои «уважение и дотошность» в описании истории, отметит мое почтение и к русской, и к иностранной историографическим традициям, а также оценит, говоря словами Бейлина, «выход за пределы своей жизни и культуры» как прекрасный способ применить искусство историка.

*Расселл Э. Мартин,
Нью-Уилмингтон, штат Пенсильвания, США,
18 декабря 2020 года*

БЛАГОДАРНОСТИ

Наиболее легкая, счастливая и благодарная часть этого проекта — выразить признательность людям и организациям, которые помогли мне в проведении исследования и в написании книги. Я получил гранты от Совета по исследованиям в области общественных наук (Social Science Research Council), Совета по международным исследованиям и обмену (International Research and Exchanges Board) и от Вестминстерского колледжа (включая дарственные фонды семей Хендерсон, Маккэндлесс и Ватто), которые обеспечили мои долгие и бесчисленные посещения российских архивов. Я очень благодарен этим учреждениям и моему руководству за финансовую поддержку.

Мой интерес к царским свадьбам в Московии начался в архивах, когда я впервые открыл папку в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве, содержащую набор случайных фраз и кусков текста из свадебного чина, составленного для первого бракосочетания царя Михаила Романова в 1624 году (РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. Д. 14). С первого же взгляда я оценил богатство нереализованного потенциала этого источника, а потому незамедлительно приступил к сбору подлинных ранних копий документов царского бракосочетания, до которых только мог добраться. Благодаря профессиональной и самоотверженной помощи сотрудников РГАДА (главное хранилище таких материалов) мне удалось найти и разобрать, как я полагаю, полный корпус существующих оригинальных текстов по царским бракосочетаниям. Я нахожусь под большим впечатлением от этого архива: скрипучие половицы, борозды на каменных ступенях, деревянные шкафы с застекленными дверцами, полные потрепанных описей, напечатанных или написанных от руки, и вездесущие коты... Я нахожу это место наиболее подходящим для работы и, что не менее важно, для завязывания дружеских контактов с русскими коллегами. Особенно благодарен я Юрию Моисеевичу Эскину, Идее

Андреевне Балакаевой и Светлане Романовне Долговой. Также я признателен за помощь, оказанную мне бывшим директором РГАДА — Михаилом Петровичем Лукичевым, который так рано ушел из жизни и по которому я очень скучаю.

Много месяцев я провел, заказывая и обрабатывая материалы в других архивохранилищах, таких как: отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Государственный исторический музей (Москва), Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург), отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург), Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) и Ярославская областная библиотека (Ярославль). Я благодарен специалистам всех этих учреждений, с радостью, эффективно и щедро помогавшим мне.

Многие другие — коллеги, друзья и члены семьи — также сыграли немалую роль в завершении проекта, и я спешу пополнить их именами эту *tabula gratiarum*. В первую очередь хочу поблагодарить моего дорогого друга Бориса Николаевича Морозова (Археографическая комиссия, Москва), который уделял мне время и давал экспертные советы снова и снова на протяжении многих лет. Если в этой книге есть что-то новое и полезное, то это благодаря его непревзойденной осведомленности в архивах и желанию делиться опытом, вдохновлять и помогать. Ольга Евгеньевна Кошелева — мой дорогой и уважаемый друг, чьим надежным советам, опыту в архивном деле, критическому взгляду и чувству юмора я привык доверять во время исследования этой и других тем.

Я глубоко признателен тем, кто помогал мне словом и делом. Это Нэнси Шилдс Коллманн, Сергей Богатырев, Майкл Флиер, Дэниел Роулэнд, Честер Даннинг, Чарльз Гальперин, Дэвид Голдфранк, Роберт Крамми, Алексей Иванович Алексеев, Владислав Дмитриевич Назаров, Андрей Павлович Павлов, Юрий Владимирович Анхимюк, Ирина Александровна Вознесенская, Людвиг Штайндорф, Дженнифер Спок, Марина Свобода, Эрнест Зицер, Маршалл По, Орыся Карапинка, А. Дуайт Кастро, Брайан Ренни, Конни Дэвис, Эрик Форстер, Натан Карлин, Джиллиан Манискарко, Сандра Вебстер, Роберт Мониак, Джон Диган,

Брайен Хоран, а также — светлая им память — Ричард Хелли и Оскар Ремик. Я также благодарен Эми Фарранто и Сьюзен Бин из Northern Illinois University Press (Издательство Университета Северного Иллинойса), чьи профессионализм и мастерство превратили процесс создания книги в удовольствие.

Это исследование явно демонстрирует влияние двух моих ученых наставников. Один из них — Эдвард Кинан, под чьим руководством я писал диссертацию и чьи идеи о власти и политической культуре до сих пор воздействуют на мой анализ событий в Московии. Его провокационные еретические высказывания воодушевили меня на собственные смелые умозаключения о придворной политике Московии. Хотя он, может быть, согласится не со всем в этой книге, тем не менее надеюсь, что она соответствует его высоким стандартам эрудиции. Другой мой учитель — Дональд Островски. Часы наших споров о средневековой Руси в кофейне Peet's на Гарвардской площади и через пятнадцать лет после оставления Гарварда остаются одними из наиболее приятных моих интеллектуальных переживаний. Во время одной из этих напряженных бесед Дон предложил: «Ты так много сделал по теме смотров невест, почему бы тебе не написать об этом книгу?» До того момента я и не думал собирать все нити моих размышлений в единую книгу, но уже спустя несколько часов после этого разговора был полностью в работе над ней. Я благодарен Дону за его неизменную поддержку и советы на протяжении многих лет, но больше всего — за его щедрую и теплую дружбу. Очевидно, я далеко не единственный, кто извлек пользу из его советов, но я среди самых благодарных.

В последнюю очередь, а на самом деле в первую, я говорю спасибо моим детям — Александре, Питеру и Джулиане — и моей жене Саре Келлогг. Они несколько лет терпели мою слепую преданность этой книге, выражавшуюся на практике в моей уединенной работе в самое неурочное время дня, ночи, выходных, семейных и иных праздников. Благодаря их долготерпению появились все слова и идеи в этой книге. Моим детям — сердечная благодарность и честное обещание чаще выходить к ним из кабинета. Моей жене Саре я посвящаю эту книгу и адресую слова поэта: «В целом мире не надо мне иной компании, кроме твоей» (Шекспир, «Буря», III, 1, 54–55).

ПРИМЕЧАНИЕ: ИМЕНА, ДАТЫ, ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Даты, упоминаемые в книге, взяты из рукописных источников, на которых она преимущественно базируется, т. е. соответствуют юлианскому календарю, действовавшему в России в раннее Новое время (вплоть до 1918 года). По этому календарю отсчет лет велся от сотворения мира — от 5508 года до н. э., а год продолжался с 1 сентября по 31 августа. Эти даты в книге обычно переведены с *anno mundi* на *anno domini*. В тех случаях, когда день и месяц в источниках не указаны, перевод представлен записью с косой чертой: например, 7083 (год пятой женитьбы Ивана IV) записан как 1574/1575. Источники диктуют и форму написания имен в книге. Сохранены разные варианты произношения имен собственных. Так, форма написания отчества зависела от социального положения человека. Те, кто принадлежал к высшим слоям общества, имели отчества, заканчивающиеся чаще всего на *-ович/-евич* (для мужчин) и *овна/-евна* (для женщин), как это принято сейчас в России. Приближенные рангом ниже записаны с отчеством в виде сочетания со словом «сын» или «дочь»: Иван Васильев сын Радилов (т. е. Иван сын Василия из семьи Радиловых), Овдотья Ондреева дочь Гундорова (Овдотья дочь Ондreja из семьи Гундоровых). Имена приводятся в соответствии с их написаниями в указанных источниках. [Текст отличается от английского варианта: такие термины, как «окольный» и «стольник», не нуждаются в пояснении и переводе, а имена царей и императоров приводятся в том их виде, какой принят в русской исторической литературе («Петр Великий», «Екатерина Великая» вместо «Питер», «Катерина» и т. д.). — *Прим. пер.*]

ВВЕДЕНИЕ

Где-то между апрелем и сентябрем 1776 года князь Михаил Михайлович Щербатов — философ, придворный, сенатор, публицист, историк, «ученик западного Просвещения» и «рационалист par excellence»¹ — пишет эссе под названием «О супружестве российских царей», приводя вымышленный разговор между двумя знакомыми (министром и гражданином), которые жарко спорят о втором браке наследника престола, цесаревича Павла Петровича (будущего императора Павла I)². Этот диалог происходит сразу после смерти первой жены цесаревича Натальи Алексеевны (урожденной Вильгельмины Луизы Гессен-Дармштадтской). Она умерла после первых родов 15 апреля 1776 года. Смерть ее и младенца стала ударом для цесаревича, влюбленного в жену, и раздосадовала его мать, императрицу Екатерину Великую, так как она надеялась, что молодожены быстро произведут на свет детей, чтобы не дать угаснуть вымирающей династии Романовых. Очевидно, горюющему наследнику не оставалось ничего иного, кроме как собраться с духом и жениться вновь. Тяжелое положение цесаревича и является причиной, по которой герои эссе Щербатова обсуждают злободневный вопрос: кто будет лучшей женой наследника — иностранная принцесса или русская девушка.

Министр и гражданин Щербатова не ходят вокруг да около:

Министр: Что вы мне кажется сегодня гораздо задумчивее?

Гражданин: Вы, милостивый государь, в том не ошибаетесь, да и думаю, что и всякий гражданин задумчивость мою в нынешнем

¹ *Shcherbatov M. M. On the Corruption of Morals in Russia / Ed. and transl. by A. Lentin. Cambridge, 1969. P. 97.*

² *Щербатов М. М. О супружестве российских царей // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935. С. 100–111.*

печальном случае, приключенном кончиною великой княгини, должен со мною разделять.

Министр: Печаль и смущение ваше есть весьма справедливы, и в сей общей печали мы должны токмо желать здоровья великого князя и чтобы второе супружество и щастливейшее разрешение обрадовало Россию.

Гражданин: Я и о сем втором супруестве еще задумываюсь.

Министр: А о чем?

Гражданин: О том, милостивый государь, полезно ли российском государям жениться на чужестранных принцес[с]ах иль не лучше ли бы было возобновить им древний обычей жениться на своих подданных?

Министр: Мне предложение ваше удивительно, сие уже проблемою почесса не может, что российским государям без крайнаго вреда жениться на подданной своей не можно.

Гражданин: То-то, милостивый государь, меня и смущает, что я, напротив того, думаю, что вредны браки на чужестранных принцес[с]ах.

Министр: Нет, государь мой, я вам сорок причин представлю для показания полезности браков с чужестранными принцес[с]ами.

Гражданин: А я лщу у себя вам четыреста представить для доказания пользы браков с своими потданными и для испровержения с чужестранками, ибо и самые ваши доказательства, отрицательными учина, в свою пользу обращау¹.

Собеседники сохраняют приветливый и учтивый тон, даже когда спор становится жарким. Но Щербатов вывел образ министра исключительно для того, чтобы последовательно разбить все его доводы. Именно это и делает гражданин.

Первая из «сорока причин» министра — дипломатия. Браки между правителями России и иностранными княжествами важны для выстраивания союзов и усиления государства на международной арене. «Никакое государство без союзов быть не может, а на таком свойстве утвержденный союз есть, конечно, наипрочнейший», — провозглашает министр². Но прежде чем министр смог перейти ко второй причине, гражданин напоминает ему, что даже те государства, которые связаны родственными узами своих правителей, идут друг на друга войной.

¹ Там же. С. 100–101.

² Там же. С. 102.

И более того, замечает гражданин, религия часто встает на пути дипломатического урегулирования:

Принцес[с]ы сильных государей не восхотят переменить своего закона для супружества с наследником России, и потому мы принуждены искать в супруги великому князю из малых германских владетелей дому, каков есть Ангальт-Цербс[тс]кой и Дармштад[т]ский, то скажите ли вы мне, что союз сих домов прибавляет вес России в Европе, а напротив того Россия принужденной себя находит защищать в Германии пользы сих малых князей и чрез сие и сильнейших — без всякой пользы себе неприятелями делать¹.

Итак, дипломатический аргумент отбит, и министр обращается к окружению иностранных принцесс. «Размышления ваши есть небезосновательны, — признает он, — но в супружестве не должен ли каждый, елико возможно, себе равного искать; а, конечно, германские принцес[с]ы владетельных домов более приближаются к состоянию великого князя, нежели кто ис по[д] данных России». Отвечая, гражданин сперва принуждает министра согласиться с тем, что «желательно... чтоб государь щастие свое, верность супружескую и с удовольствием сопряженную любовь к супруге своей имел», а затем утверждает: невозможно быть в таких близких любовных отношениях с невестой, чей облик знаком только по портрету, а характер — по донесениям дипломатов и придворных. Министр отвечает, указывая на недавно умершую великую княгиню Наталью Алексеевну и на любовь к ней цесаревича Павла Петровича. Но гражданин называет это «исключением, а не правилом» и заявляет, что при женитьбе на русской девушке не будет сюрпризов². Царственный жених будет знать все о ее прошлом, родителях, родственниках и друзьях. У него будет возможность взглянуть на нее собственными глазами и самолично расспросить, чтобы узнать о ее умственном развитии и нравственности. «Может историю жизни ее и воспитания знать, чего ему сделать с чужестранною не можно», — заключает гражданин³.

¹ Щербатов М. М. О супружестве российских царей. С. 102–103.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 104.

Но есть ли среди русских девушек достойные стать женой будущего императора, спрашивает министр, который начинает выказывать растущее раздражение собеседником. «И рабская рожденная душа может ли достигнуть до сего величества, которое престолу пристойно?» На это гражданин отвечает, что вряд ли кто знает, как воспитывали немецкую принцессу в одном из городков Центральной Европы. «Несправедлив был бы бог, естли бы разум, величество души и добродетели разделял токмо на владеющих особ, оставя других людей, токмо яко неких скотов, без всяких душевных дарований»¹. Кроме того, продолжает гражданин, простое происхождение русской невесты сделает правителя более чувствительным к нуждам и повседневным проблемам обычных людей. В конце концов, у жены правителя есть обязанность угождать супругу, а поскольку она является его подданной и обязана заботиться о его благополучии, то и справится со своими обязанностями много лучше иностранной принцессы. Жена правителя «имеет должность угождать своему супругу, что яко подданная его и обязанная своим благополучием она лучше может исполнить, нежели чужестранная принцес[с]а»².

Наконец собеседники подходят к наиболее спорному аргументу, к тому, что министр, возможно, считает наибольшей опасностью от невесты-подданной, — родня, которая вслед за ней подтянется ко двору. Эта родня будет занимать высокие должности и наслаждаться всевозможными выгодами от такой женитьбы, паразитировать на ситуации и заботиться только о своих интересах. Но родня — именно та единственная вещь, с которой не связаны иностранки. Они приходят в Россию более-менее в одиночестве, а потому их отцы, братья и дяди никогда не примкнут к той или иной фракции при дворе и не сформируют своей, т. е. не нарушат баланса знати, что непременно сделают родственники русской подданной. Гражданин дает краткий, романтизированный (и абсолютно смехотворный) ответ, заявляя, что влияние царственных родственников будет благоприятным, поскольку император «по сану своему»

---

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 105–106.

уже является «отцом» для всех своих подданных — не только для новой родни. Поэтому царская родня, утверждает гражданин, никогда не будет пользоваться какими бы то ни было привилегиями по сравнению с обычными подданными России.

Гражданин неубедительно парирует многочисленные доводы министра, критикующего брачные традиции России раннего Нового времени. Министр рисует мрачное будущее в случае, если император женится на русской девушке, хотя это прочитывается скорее как порицание тех порядков, что составляли реальность допетровской России, где большинство царских невест были русскими:

Когда могут подданные мнить, что государь поимет кого из их дочерей, из родственниц, какие будут происки для отцов и родственников и от самих дев, все не по любви к государю основанные, но на честолюбии; учинятся разные партии при дворе, враждующие друг на друга и взаимно друг друга искоряющие. Колико от всех сих будет поставлено сетей для пленения государя!¹

Затем министр обрисовывает различия в порядках до Петра I и после:

Сей обычай в древние времена в России мог быть принят, когда девы, затворенные в недрах их домов, не видимы и не знаемы никем были, когда их прелести не могли действовать над сердцем государевым и когда, наконец, по рассмотрению достоинств родственники сей выбор первоначально делали. Но ныне не те времена и не те нравы: что в те поры могло быть терпимо, то по перемене обстоятельства разумно великий Петр переменял, предвидя все находящиеся неудобства, к которому обычаю и ныне, конечно, следовать должно².

В словах министра есть зерно истины. В XVI и XVII веках, когда русские правители брали в жены русских невест, новая родня толпой врывалась в царское окружение и быстро росла в чинах. Она завязывала узы родства и покровительства с боярской

¹ Щербатов М. М. О супружестве российских царей. С. 106.

² Там же. С. 106–107.

верхушкой, устраивала заговоры и кооперировалась с другими боярами для контроля над женитьбами иных членов династии, особенно в последующих поколениях. Родственники русской невесты являлись могучей силой, с которой невозможно было не считаться в России раннего Нового времени.

По всей видимости, гражданин (а на самом деле говорящий его устами Щербатов) понимал, что родня — слабое место в его аргументации. Наиболее пространные рассуждения начинаются именно тогда, когда гражданин пытается отрицать или приуменьшить силу влияния царской родни. Но тут суть речей уходит от парирования доводов министра к декларации Щербатовым своей любимой темы, повторяющейся во многих его работах: к отстаиванию нового типа монархии, при котором государь правит в союзе с лучшими людьми общества. Для Щербатова этими лучшими людьми была древняя аристократия, что неудивительно, ведь и сам он принадлежал к этой группе. Первый и наиболее важный шаг на пути к установлению нового, связанного с «землей» типа монархии, — возвращение традиции женитьбы российского правителя на русской девушке — православной, соединенной любовью и чувством долга с монархом, избранной из представительниц абсолютно всех слоев общества без исключения¹.

Защищая отечественных невест для российского императора, Щербатов невольно призывает вернуть древний (и ко времени Щербатова давно не существовавший) обычай смотра невест в Московском государстве: сбор юных русских девушек со всей страны, из которых царь выбирал себе невесту. Щербатов описывает преимущества смотра невест, не называя этот термин и даже не ссылаясь на конкретные обычаи и ритуалы, подразумеваемые под ним. Ирония в том, что перед глазами Щербатова был пример подобного смотра — принцесса, чья смерть и побудила его к написанию статьи. Наталья Алексеевна, первая жена цесаревича Павла Петровича, и две ее сестры (также дочери Людвига IX Гессен-Дармштадтского) были отосланы в Россию в 1773 году по рекомендации Фридриха Великого в качестве

¹ См.: *Shcherbatov M. M. On the Corruption of Morals*. P. 16–54, 133–134 (см. издание на русском языке: *Щербатов М. М. О повреждении нравов в России*. М.; Augsburg, 2001); *Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, 1960. P. 40–41.

потенциальных невест молодого наследника. В чем точно присутствует отголосок обычая смотра невест, так это в показе цесаревичу трех претенденток одновременно и в предоставлении возможности выбрать одну из них. Он выбрал Вильгельмину Луизу, среднюю дочь, которую при переходе ее в православие нарекли Натальей Алексеевной¹.

Статья Щербатова «О супружестве российских царей» не была издана в то время, а потому не оказала никакого влияния на поиск новой невесты Павлу Петровичу летом 1776 года. Но она не имела бы значения и будучи напечатанной. Никто при дворе Екатерины II не был настроен отказываться от очевидных дипломатических преимуществ, которые междинастические браки приносили России. Будущий Павел I покорно женился на Софии Марии Доротее Луизе Вюртембергской (при переходе в православие ставшей Марией Федоровной), которая пополнила угасающую династию Романовых десятью детьми². В конечном счете победили доводы министра, а не гражданина, чьим голосом говорил Щербатов.

Эта книга о смотре невест в России раннего Нового времени. В ней исследуется набор ритуалов и обычаев, посредством которых царь выбирал невесту из отечественных претенденток. Почти два столетия, с начала XVI до конца XVII века, невесты-иностранки были практически неизвестны в Кремле. Это

¹ Два старших сына Павла I также выбрали себе невест из немецких принцесс, им представленных: Александр I выбрал жену из двух дочерей маркграфы Баденского, а его младший брат Константин Павлович — из трех дочерей герцога Саксен-Кобург-Заальфельдского. См.: *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. С. 38–48; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 1. С. 63–90.

² До того как у Павла I родились дети, вся династия состояла из него, его матери (Екатерины II), а также четырех лишенных наследства и заключенных в тюрьму кузенов, сиблингов Ивана VI (годы формального правления: 1740–1741), убитого в Шлиссельбургской крепости в 1764-м. Четыре сиблинга — Екатерина, Елизавета, Петр и Алексей — жили в ссылке с 1742 года, в 1780 году они были перевезены в Хорсенс (Дания) доживать свои дни под защитой своей тети, королевы Юлианы Марии Датской (жены Фредерика V). Ни один из них не вступил в брак. См.: *Корф М. А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993; *Martin R. E.* «For the Firm Maintenance of the Dignity and Tranquility of the Imperial Family»: Law and family Order in the Romanov Dynasty // *Russian History*. 2010. Vol. 37. № 4. P. 389–411.

было время невест из видных боярских и княжеских родов. С 1505 по 1689 год правители России, а также их братья, дяди и сыновья женились почти исключительно на представительницах аристократии среднего уровня (а их дочери и сестры фактически совсем не выходили замуж). До 1505 года картина была иной: правители России свободно женились на дочерях из иностранных княжеских семей Северо-Восточной Руси, иностранных правителей и представительницах крупных боярских родов. Поменялось все и после 1689 года, когда правящая династия вновь вернулась к иностранным невестам, притом другие русские княжества исчезли, а боярская элита превратилась в аристократический двор западного образца. Таким образом, временные рамки исследования заданы изменениями в ритуалах женитьбы и династической политике русских царей, а также в политической культуре, основанной на смотре невест.

Кроме того, эта книга о политике царских свадеб. Выбор невесты во время смотра не был так уж случаен или произволен, как это могло показаться иностранному наблюдателю или даже как указано в русских официальных документах. Представляемый в качестве свободного выбора царственным женихом будущей супруги, смотр невест на самом деле был тщательно срежиссированным ритуалом, служившим многим целям. Во-первых (и это самая главная и очевидная цель), во время смотра царь выбирал себе жену. До конца XVII века практически каждая русская невеста царя участвовала в таком смотре, даже если выбор был сделан заранее. Смотр невест не был пустым ритуалом или исключительно литературным лейтмотивом, а являлся важным элементом русской политической системы.

В этой политической системе значительная роль смотра невест заключалась в снижении конкуренции между боярскими родами при дворе. Как бы кто ни понимал природу монархической власти в России (а взгляды на эту проблему, как мы увидим, сильно разнятся), все же установлено, что в Кремле родство и политика были тесно взаимосвязаны. Бояре рождались между собой по расчету, создавая и укрепляя сети взаимного покровительства, образуя группы и партии вокруг правителя. Но эти основанные на расчете брачные союзы были всего лишь отголоском самого важного бракосочетания в каждом

поколении — царской свадьбы. Женильба правителя определяла, кто будет царской родней, кто войдет в узкий внутренний круг советников у трона, поскольку царская родня, как справедливо заметил Щербатов, быстро взлетала в высшие чины дворцовой элиты. По большей части смотр невест был разработан с тем, чтобы обезопасить процесс выбора: будучи ритуализированным, единоличный выбор царя не давал явно разгореться конфликтам между боярскими родами. Этот ритуал предполагал и делал возможным выбор претенденток не из боярской аристократии, а из низших слоев поместного дворянства, включая в смотр преимущественно таких кандидаток. Занимались их отбором бояре, а также, что еще важнее, их жены. Это не значит, что царь не выбирал, — последнее слово было за ним. Но выбирал он из уже тщательно отобранных претенденток. Таким образом, невзирая на то что смотр невест может производить впечатление свободного и неограниченного выбора, на деле это был ритуализированный процесс, одновременно скрывающий и расширяющий контроль бояр над царской женильбой.

Также смотр невест поддерживал еще один образ — самодержавной царской власти. И здесь снова видимость и реальность противоречат друг другу. Обычай смотра невест выставлял монарха абсолютно не стесненным какими-либо рамками и границами. Правитель проезжал деревни, провинциальные города и столицу в поисках юной и прекрасной девушки, независимо от ее социального положения. Единственным реальным критерием отбора было решение царственного жениха, и он добивался своего, независимо от угрожающих династических, политических или экономических проблем (которые могли ограничивать или диктовать брачный выбор иностранных королей там, где смотра невест не было). Внешне власть правителя в Московии представлялась столь же абсолютной, сколь и своенравной: власть самодержца пронизывала и наполняла даже царскую спальню. Но за этим образом, метко, хотя и слегка туманно называемым фасадом самодержавия, находится, как мы увидим, совсем иная реальность. Правитель выбирал себе невесту из группы претенденток, которых очень тщательно отбирали бояре и их жены. Жених выходит на сцену в самом конце, когда другие (бояре, их жены и родственники) закончили формировать список кандидаток,

проверять их истории болезни, внимательно изучать родственные связи каждой потенциальной царицы. Смотр невест был не столько экзотичным и символическим проявлением безграничной монархической власти, сколько ритуализированным и коррумпированным механизмом построения «фасада самодержавия».

Таким образом, исследование смотра невест неразрывно связано с изучением феномена власти: природа и пределы власти правителя раскрываются в совокупности ритуалов, окружающих и обеспечивающих отбор невесты для царя (а именно и особенно в смотре невест, но также и в других брачных обычаях, включая саму свадебную церемонию). Это исследование показывает монархическую власть высококоллективной и строится на мнении, высказанном другими, — что политическая культура Московии развивалась от своего зарождения в середине XIV века как кондоминиум правителей: династический, наследственный великий князь или царь правит лучше, когда правит совместно с боярами, которые со временем становятся его родственниками посредством женитьбы или по крови.

Это исследование проливает свет на символы и ритуалы, на политику при дворе и на саму природу монархической власти в России раннего Нового времени. Центральное утверждение книги — то, что смотр невест особенно отчетливо и ясно показывает эту политическую культуру. Коллективная природа монархической власти в Московии показана и в других современных исследованиях: в работах о фракциях при дворе и среди провинциальной аристократии, о связях между царями и боярами, о дворцовых церемониалах и орнаментах кремлевских дворцов, о литературных лейтмотивах, о церковных обличительных текстах и даже о законах Московии. Эта книга является вкладом в изучение власти, дворцовой политики, царских браков, освещая смотр невест как важный и необходимый элемент политической культуры России раннего Нового времени.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Власть, дворцовая политика, царские браки — темы не новые, в отличие от смотра невест. Он был, конечно, известен. Смотр невест служил отличным материалом для создания в XIX веке

исторических живописных полотен, пьес, музыкальных композиций, биографий и художественных сочинений на исторические темы¹. Упоминали его и историки. Этот обычай достаточно хорошо отражен в официальных документах и описан у таких историков, как Василий Никитич Татищев, Николай Михайлович Карамзин, Сергей Михайлович Соловьев (и у других дореволюционных историков), а также у советских ученых: Степана Борисовича Веселовского, Александра Александровича Зимина и Руслана Григорьевича Скрынникова². И все же феномен смотра невест «подвис» в историографической «ничейной земле», рассматриваемый или как изживший себя обычай, чья нелепость только ярче подчеркивает странность и экзотичность политической культуры допетровской Руси, или как ясное доказательство авторитарной природы русского самодержавия. В иных случаях этому явлению совсем не уделяют внимания на страницах исторических работ.

Исключение составляет работа Ивана Егоровича Забелина, первого ученого, изучавшего домашний быт и родственные связи царей и цариц. Забелин первый разглядел в смотре невест нечто большее, чем курьез в русской истории, он считал этот обычай важным и показательным явлением политической культуры. Согласно Забелину, царь выбирал себе невесту, как и следует настоящему самодержцу: без учета ее происхождения, здоровья или родословной. Царь делал свой выбор, принимая во внимание лишь ее внешность, которая могла превратить

¹ См. эпилог.

² См.: *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1968. Т. 7. С. 172–183; *Карамзин Н.М.* История государства Российского [далее — История]: В 12 т., в 4 кн. Репринт изд. 1842–1844. М., 1988. Т. 7. Стлб. 132–134; Т. 8. Стлб. 58–59; Т. 9. Стлб. 110–118, 161–162; Т. 10. Стлб. 45–46; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен [далее — История]: В 29 т., в 15 кн. / отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1959–1966. Кн. 3. С. 151–153, 431–433, 701; Кн. 5. С. 125, 481–482; Кн. 7. С. 130–131, 196–197, 258, 449, 574–575; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 231, 300–301, 397; *Он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 466; *Он же.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 14–30, 85–88; *Он же.* Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 67–70, 298–299; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 140, 435, 457, 479; *Он же.* Иван Грозный. М., 1983. С. 206–214.

молодую женщину самого скромного происхождения в царицу¹. Забелин доказывал, что отбор невест из всего народа служил только повышению престижа монарха. Царское достоинство и родословная ничуть не страдали от подобных неравных браков. Напротив, Забелин понимал смотри невест как креативный способ, которым русские цари и великие князья пользовались для формирования и усиления централизованного государства.

«Государь, вступая в брак с невестою, избранною всенародно, из всей служилой среды, не мог тем унижить своего царственного достоинства; напротив, он возвышал свою личность, придавая ей общенародное значение, ибо кто же, кроме государя, имел право всенародно избирать себе невесту?»² И более того: государь выбирал супругу самолично. Несмотря на все влияние семьи и фаворитов, вовлеченных в царскую свадьбу и смотр невест, — а Забелин подробно описывает, как разные личности оказывали свое влияние при дворе, — именно царь решал в конце концов участь претендентки. Для Забелина Московия была блестящей автократией.

Среди последователей Забелина есть ученые, внесшие большой вклад в наши представления о царицах и аристократках России раннего Нового времени. Исследования Натальи Пушкиревой, Нэнси Шилдс Коллманн, Ив Левин, Дэниэла Кайзера, Кристин Воробек и особенно Изольды Тирет, помимо прочего, опирались на те прочные основы, что заложил почти ста годами ранее Забелин³. Все вместе они изучали роль женщины

---

¹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. // Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Репринт изд. 1918, 1915. М., 2000. Т. 1. Ч. 1; Т. 1. Ч. 2; *Он же.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. // Там же. Репринт изд. 1901. М., 2001. Т. 2; *Он же.* Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII ст. (Материалы) // Там же. Репринт различных изд. М., 2003. Т. 3.
² *Он же.* Домашний быт русских цариц. С. 207–208.

³ Литературы много и становится все больше. См. следующие работы и библиографии в них: *Pushkareva N.L.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century / Transl. by E. Levin. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1997; *Pushkareva N.L.* Women in the Medieval Russian Family of the Tenth through Fifteenth Centuries // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B.E. Clements, B.A. Engel, Ch.D. Worobec. Berkeley; Los Angeles, 1991. P. 29–43; *Kollmann N.Sh.* Women's Honor in Early Modern Russia // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B.E. Clements, B.A. Engel, and Ch.D. Worobec. Berkeley; Los Angeles: University of California

в религиозной культуре и обрядах, изоляцию аристократок, наследство и землевладение, концепт женской чести, а также насколько существенную и активную роль женщина играла в политике. Сам Забелин отмечал фундаментальную роль боярских жен (боярынь) в смотрах невест. Боярыни, как показал Забелин, были непосредственно вовлечены в процесс создания списка невест-претенденток и, как он убедительно предположил, организовывали многочисленные медицинские освидетельствования с целью удостовериться в их крепком здоровье и девственности. Эта книга также помещает жизнь аристократок в центр «проблематики». Она оживляет сухие биографические записи, относящиеся к нескольким аристократкам и участницам смотра невест, и предлагает основанный на исторических источниках взгляд на то, как политическая культура влияла на жизни молодых женщин, оказавшихся в непосредственной близости к царю.

Многие источники, на которых базируется такой взгляд на историю, доступны уже какое-то время, но есть и обнаруженные

Press, 1991. P. 60–73; *Eadem*. The Seclusion of Elite Muscovite Women / *Russian History*. 1983. V. 10. Pt. 2. P. 170–187; *Levin E.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700. Ithaca, 1989; *Kaiser D.H.* Property among Elite Women in 17th-Century Russia // *Rude and Barbarous Kingdom Revisited* / Ed. by Ch. S. L. Dunning, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, IN, 2008. P. 427–440; *Idem*. «Whose Wife Will She Be at the Resurrection?» Marriage and Remarriage in Early Modern Russia // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 2. P. 302–323; *Worobec Ch.D.* Accommodation and Resistance // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. P. 17–28; *Thyrét I.* The Royal Women of Ivan IV's Family and the Meaning Forced Tonsure // *Servants of the Dynasty: Palace Women in World History* / Ed. by A. Walthall. Berkeley; Los Angeles, 2008; *Eadem*. Marfa Ivanovna and the Expansion of the Role of the Tsar's Mother in the Seventeenth Century // *Rude and Barbarous Kingdom Revisited*. P. 109–129; *Eadem*. The Cultural Politics of the Grand Princesses of Moscow // *Russian History*. 2006. Vol. 33. № 2–4. P. 333–352; *Eadem*. Between God and the Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001; *Kleimola A.M.* «In accordance with the canons of Holy Apostles»: Muscovite Dowries and Women's Property Rights // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. № 3. P. 204–229; *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. P. 64–84; *Keenan E.L.* Ivan the Terrible and His Women // *Russian History*. 2010. Vol. 37. № 4. P. 322–359. См. также для сравнения: *Zanger A.E.* Scenes from the Marriage of Louis XIV: Nuptial Fictions and the Making of Absolutist Power. Stanford, 1997; *Dean T., Lowe K.J.P.* Marriage in Italy, 1300–1650. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; *Medieval Queenship* / Ed. by J. C. Parsons. New York: St. Martin's Press, 1993.

совсем недавно. Труды Забелина содержат много первоисточников, впервые опубликованных в его книгах¹. Не так давно Владислав Дмитриевич Назаров опубликовал полезный и подробный сборник важных документов в современной редакции, которые связаны с темой царских бракосочетаний и поиском невест в XVI веке². На основе этих новых изданных источников Назаров предложил современную версию озвученной Забелиным интерпретации механизма смотра невест в XVI веке. Сходным образом Маргарита Евгеньевна Бычкова сделала ценный вклад в науку публикацией свадебных текстов Ивана Грозного, а изучение ею письменных источников о свадьбах XVII века подготовило почву для последующих исследований³. Есть и другие современные кодикологические исследования и публикации оригинальных документов о бракосочетаниях⁴, тем не менее остается большое число документов, которые нужно опубликовать. Вероятно, честно будет признать, что наибольший прогресс в изучении смотра невест достигнут источникововедами.

Эта книга базируется на предыдущих исследованиях самодержавной власти и дворцовой политики. Согласно полезному наброску Коллманн об историографии дворцовой политики Московии, существует два подхода к теме: «рациональный» и «патримониальный»⁵. «Рациональная» школа особое внимание

¹ См., например, список претенденток на смотре невест в 1669–1670 годах для царя Алексея Михайловича и список подарков, которые вручили кандидаткам на смотре невест в 1682 году, организованном для царя Федора Алексеевича. См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц. С. 252–253, 259.

² Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина / Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1975. С. 40–50; Он же. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110–123.

³ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

⁴ Martin R. E. Muscovite Royal Weddings: A Descriptive Inventory of Manuscript Holdings in the Treasure Room of the Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow // Manuscripta. 2006. Vol. 50. № 1. P. 77–189; *Idem*. Archival Sleuths and Documentary Transpositions: in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Russian History. 2003. Vol. 30. № 3. P. 253–300; *Idem*. Royal Weddings and Crimean Diplomacy: New Sources on Muscovite Chancellery Practice during the Reign of Vasilii III // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 389–427.

⁵ Kollmann N. Sh. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, 1987. P. 8–18. Здесь Коллманн использует категории и терминологию Макса Вебера — см.: *Ibid*. P. 9, 245 (п. 14).

уделяет «абстрактным образованиям, которые были объективно определены, защищены законом и представлены в государственных органах». К этим «образованиям» относятся «„Боярская дума“, государство и сословные образования, такие как высшая аристократия и мелкопоместное дворянство». Приверженцы данной школы также считают, что при сильной автократии эти «образования» находились в состоянии нескончаемой борьбы за власть — «если одни приобретали, другие теряли», как утверждает Коллманн. Таким образом, формирование Московии шло по известной западной траектории — даже если местные политические институты, по сравнению с западными, были примитивны и неэффективны. Эта «рациональная» модель была принята такими разными школами, как либеральная «статистическая», «юридическая», а также советскими марксистскими учеными. «Патримониальная» школа, напротив, уделяет большое внимание «премодерным политическим связям», которые были заданы традициями, корыстными интересами, лояльностью, когда группы и фракции при дворе «образовывались на основе принципов родства, дружбы и зависимости»¹. Один оттенок интерпретации в рамках этой модели отличается тем, что внимание акцентируется на власти самодержца, а «реальные взаимодействия других политических групп» отрицаются — взгляд не слишком отличный от «рациональной» школы, по крайней мере в том, что касается самодержавной власти². При другом оттенке интерпретации доказывается радикально иное положение: этот консенсус, а не состояние конфликта, характеризует политическую культуру. Правитель, следуя традиционной формуле «царь указал, и бояре приговорили», действует внутри традиционной, даже олигархической, политической системы. И наконец, женитьбы между боярскими родами не только скрепляли всю систему, но и были самой ее целью.

Анализ смотра невест в этой книге, оговорим сразу, прежде всего подкрепляет последнюю точку зрения. Таким образом, данная книга входит в один ряд с исследованиями Эдварда

¹ См. документы, помещенные в кн.: *Kollmann N. Sh. Kinship and Politics*. P. 9–18.

² Классические положения «патримониального» подхода представлены в работах: *Poe M. T. The Truth about Muscovy // Kritika*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 1–14; *Pipes R. Russia under the Old Regime*. New York, 1974.

Кинана, Нэнси Шилдс Коллманн, Валери Кивельсон, Дэниела Роулэнда, Дональда Островски, Джорджа Вейкхардта и других авторов, иногда называемых структурной или антропологической школой, но сейчас больше известных под отцеубийственным названием, полученным от Маршалла По¹, — «гарвардская школа»². Тем не менее названная так школа³ анализирует, как, согласно формулировке Кивельсон, «монарх правит, советуясь с боярами и приближенными, и тем самым вынужден принимать решения, ориентируясь на традиции, обычаи, благочестие и даже закон и наслаждаясь при этом высоким уровнем

¹ Маршалл По (который придумал термин «гарвардская школа») сначала поддерживал в своих публикациях идеи Неда Кинана (который поддерживал его как аспиранта), а затем восстал против него (в профессиональном смысле). — *Прим. авт. для рус. изд.*

² *Keenan E. L. Muscovite Political Folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 115–181; Kollmann N. Sh. Kinship and Politics; Kivelson V. A. Culture and Politics, or the Curious Absence of Muscovite State Building in Current American Historical Writing // Cahiers du Monde russe. 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 19–28; Eadem. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom // Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. P. 465–489; Eadem. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford: Stanford University Press, 1996; Rowland D. Architecture, Image, and Ritual in the Throne Rooms of Muscovy, 1550–1650: A Preliminary Survey // Rude and Barbarous Kingdom Revisited. P. 53–71; Idem. Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s) // Russian Review. 1990. Vol. 49. P. 125–155; Idem. The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles; Ostrowski D. The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 2002. Vol. 44. P. 534–563; Weickhardt G. G. The Pre-Petrine Law of Property // Slavic Review. 1993. Vol. 53. № 4. P. 663–679; Idem. Was There Private Property in Muscovite Russia? // Ibid. 1994. V. 54. № 2. P. 531–538 (ср. с: Pipes R. Was There Private Property in Muscovite Russia? // Ibid. P. 524–530). См. также: Soldat C. The Limits of Muscovite Autocracy: The Relations between the Grand Prince and the Boyars in the Light of Iosif Volotskii's «Prosvetitel'» // Cahiers du Monde russe. 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 265–276; Flier M. S. Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // Medieval Russian Culture / Ed. by M. S. Flier, D. Rowland. Berkeley; Los Angeles, 1994. Vol. 2. P. 213–242. По так называемой гарвардской школе см.: Poe M. T. Review of «By Honor Bound: Slate and Society in Early Modern Russia», by Nancy Shields Kollmann // Russian Review. 2000. Vol. 59. № 2. P. 299–300; Idem. The Truth about Muscovy. О терминах «структурный» и «антропологический» см.: Kollmann N. Sh. Kinship and Politics. С. 18.*

³ Гарвардская школа называется так потому, что Нед Кинан был профессором в Гарвардском университете и все его студенты следуют его взглядам на Московию и развивают их. — *Прим. для рус. изд.*

легитимности в глазах своих подданных»¹. Эта школа больше всего обязана своими взглядами новаторской работе Веселовского и теоретическим уточнениям, сделанным Эдвардом Кинаном и развитым далее «кембриджскими клонами Кинана» (отсюда и название «гарвардская школа»)². Возможно, это направление стало наиболее продуктивным из многих моделей власти в Московии за последние несколько десятилетий, оказав влияние даже на работы, не принадлежащие к антропологической школе или не фокусирующиеся на теме политических браков³.

Гарвардская школа многое сказала о политических браках и монархической власти, но меньше — о женитьбах правителей, а о смотрах невест — практически ничего. Однако если правда, что женитьба — это «нарушение равновесия» и «социальные волнения», как писал известный антрополог и фольклорист Арнольд ван Геннеп⁴, то женитьба, вызывающая наибольшие

¹ Кивельсон использует термин «гарвардская школа». См.: *Kivelson V.A. On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika. 2002. Vol. 3. № 3. P. 487–499.*

² Термин «кембриджские клоны Кинана» («Keenan's Cambridge Clones») обсуждался на секции ежегодной конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS) в ноябре 2003 года в Торонто. См.: *Martin R.E. Introduction: Edward Keenan's Influence on Early Russian Studies // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. № 3–4. P. 233–234.*

³ См.: *Hellie R. Thoughts on the Absence of Elite Resistance in Muscovy // Kritika. 2000. Vol. 1. № 1. P. 5–20; Idem. Edward Keenan's Scholarly Ways // Russian Review. 1987. Vol. 46. P. 177–190.* Для начального знакомства с работами, написанными под влиянием антропологической школы, см.: *Rüß H. Adel und Adelsoppositionen im Moskauer Staat. Wiesbaden, 1975; Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. London, 1983; Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s–1570s. Helsinki, 2000* (см. также рецензию на него Коллманн в «Slavic Review»). Чарльз Дж. Гальперин целенаправленно противопоставил свою позицию гарвардской школе, особенно работам Эдварда Кинана. См.: *Halperin Ch.J. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika. 2002. Vol. 3. № 3. P. 501–507; Idem. The «Russian» and «Slavonic» Languages in Sixteenth-Century Muscovy // Slavonic and East European Review. 2007. Vol. 85. № 1. P. 1–24; Idem. The Culture of Ivan IV's Court: The Religious Beliefs of Bureaucrats // The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland / Ed. by V. Kivelson, K. Petrone, N. Sh. Kollmann, M. S. Flier. Bloomington, 2009. P. 93–105; Idem. Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyi Correspondence in Hindsight // *Jahrbücher für Geschichte osteuropäische. 1998. Bd. 46. S. 376–403.**

⁴ *Gennep A. van. The Rites of Passage / Transl. by M.B. Vizedom, G.L. Caffee. Chicago, 1960. P. 139.*

волнения, — это женитьба правителя. Его брак, а иногда и браки его родственников и родственниц были стержнем всей политической системы с ее становления в 1450-х годах, а политическая система, включая смотри невест, была создана с целью минимизировать это «нарушение равновесия» среди боярских родов при дворе. Поэтому удивительно, что гарвардская школа подошла к вопросу о монархической власти с другой позиции: изучая политические браки представителей боярских родов, но не царей. В настоящем исследовании проблема переосмыслиется с более интуитивной точки зрения: мы сосредоточимся на одном браке, который скреплял все прочие, — на браке царя. Такое переосмысление проблемы подводит нас непосредственно к смотру невест.

Источники

Смотры невест и их роль в политической культуре Московии могут быть воссозданы на основе четырех групп источников, многие из которых не опубликованы и хранятся в архивах: описания царских свадеб, официальная документация о смотрах невест, иностранные записки и нарративные источники. Наиболее важный источник по смотрам невест и брачной политике — официальные свадебные документы, составлявшиеся дьяками в великокняжеской канцелярии, а затем в Посольском приказе. Примерно с 1495 года дьяки в канцелярии начинают детально описывать все династические свадьбы. Наиболее важные документы, созданные канцелярией, — свадебные разряды (т.е. росписи), которые содержали перечни имен придворных и других служащих, принимавших почетное участие в царской свадьбе, а также свадебные чины (т.е. церемониалы), описывающие сам ритуал: шествия, пиры, свадебные бани, обмен дарами, тексты речей, иные события, происходившие в течение трех и более дней празднеств. Эти два источника были связаны — имена, обозначенные в разрядах, были включены в описания ритуалов, приводимые в церемониалах (чинах), — но использовались в разных целях. В то время как чины служили официальным описанием свадьбы и одновременно инструкцией по ее проведению, разряды служили увековечению участия

конкретных бояр и других придворных. Разряды были также теми документами, которые писцы, действуя как свадебные организаторы в Московии, держали в руках, расставляя придворных по их позициям во время разных церемоний и проверяя наличие каждого участника на своем месте. В добавление к этим официальным документам писцы производили целый ряд сопутствующей документации, столь необходимой для нашего исследования: перечни даров, которыми обменивались на свадьбе, описи приданого, различные записки и указания по проведению церемонии. Сохранились свадебные чины и разряды для 24 церемоний с 1500 по 1682 год¹. Большинство этих источников — оригинальные рукописи, некоторые из них сохранились также в виде черновиков с несколькими ранними копиями. Основная часть этих материалов остается неопубликованной.

В отличие от царских свадеб, смотры невест, по всей видимости, так официально не документировались: нет чина, описывающего ритуализированный осмотр невест, хотя могла быть роспись (разряд) кандидаток, чтобы бояре и их жены могли сличать имена и лица, следить за их нахождением и делами. Мы говорим «могла быть», потому что почти за два столетия проведения смотров есть только один сохранившийся список невест — тот, когда Алексей Михайлович искал себе вторую жену в 1669–1670 годах. Легко представить, почему не сохранились перечни невест. Царь и его советники, включая и новоприобретенных родственников со стороны невесты, могли не желать сохранения записей о возможном ином выборе царя — записей, ослабляющих уверенность, что сделанный царем выбор был неизбежен и одобрен свыше. Кроме того, легко представить, как быстро угасал интерес к смотру невест после того, как царь делал свой выбор, — все внимание и энергия писцов переключались на составление свадебного разряда и корректировку свадебной церемонии (чина). Эти документы воспринимались при дворе как жизненно важные, поскольку запечатлевали для потомков, кто присутствовал на свадебной церемонии и принимал в ней участие и, таким образом, кто снискал честь и чью службу оценили.

¹ Первый свадебный разряд 1500 года, последний — 1682-го.

Вопреки недостатку в отдельных письменных источниках, касающихся смотра невест, историчность этого обычая в Московии хорошо представлена. Смотры невест упоминаются в свадебных разрядах, однако еще важнее небольшие, но целостные собрания канцелярских документов, связанных с поиском царской невесты. Этот важный и уникальный материал включает в себя записки (так называемые памяти), инструкции (указные грамоты) и другие бумаги по поводу поиска невест, перечни придворных, посланных на поиски в разных направлениях, списки подарков, предназначенных для «финалистов» отбора, а также, в одном случае, результаты расследования происхождения и описание внешности потенциальной невесты для юного Ивана IV¹. Из этой сокровищницы источников мы узнаем историю смотра невест, которая резко контрастирует с тем, как данный обычай понимали ранее.

История обряда обрастает плотью благодаря многочисленным и ярким запискам иностранных путешественников, которым было что рассказать о смотрах невест. Эти путешественники — по большей части дипломаты, но также и торговцы, наемники, мореплаватели и церковники — посещали Московию и записали увиденное, создав тем самым наиболее живые и полезные описания механизма смотра невест. Их записки рассказывают нам, как этот обычай появился в Московии, кем были кандидатки, как происходил отбор и даже какие политические игры стояли за обрядом. Разумеется, не существует безусловно аккуратного описания от объективного наблюдателя: авторы неизбежно смотрели на окружающую действительность через призму своей культуры и опыта, многие из них в своих отчетах склонялись к мнению, что Московия — «грубое и варварское царство». И тем не менее эти отчеты иностранцев содержат сведения, которые значительно дополняют каркас истории, представленный отечественными источниками. Эти богатые, пусть иногда и неоднозначные, отчеты широко используются в настоящей книге.

---

¹ О составе и организации документов, связанных со свадьбами, в Древлехранилище РГАДА см.: Государственное древлехранилище хартий, рукописей и печатей (Москва). Опись документальных материалов фонда № 135 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1971. С. 3–5. А также: *Martin R. E. Muscovite Royal Weddings.*

Хроники, художественные произведения и другие разнообразные нарративные тексты составляют четвертую группу источников, помогающих реконструировать историю смотра невест, хотя в тексте они часто встречаются лишь в роли небольших ярких вставок. Одна летописная заметка, описывающая первую (неудачную) попытку Ивана IV выйти на европейский брачный рынок, содержит важное упоминание об этом обычае. В записках Григория Котошихина о жизни русского двора в середине XVII века смотры невест странным образом не упоминаются, хотя приводятся детали скандалов XVII века, смотрами порожденных («О России в царствование Алексея Михайловича»). Напротив, первая светская пьеса, сыгранная в России, — «Артаксерксово действо» (1672), основанное на библейской истории об Эсфири, — содержит сцену смотра невест, имитирующую смотры невест в Московии, а не в Древней Персии. Имея свои цели, нарративные источники тем не менее отражают в разной степени нужные, а иногда и уникальные взгляды на то, как смотры невест — и, в более общем плане, брачная политика — были устроены и какая роль принадлежала им в России раннего Нового времени.

Таким образом, история смотров невест может быть воссоздана на основе имеющихся источников и может занять место в более широком пространстве политической культуры Московии; и, как и большинство историй, ее лучше всего рассказывать в хронологическом порядке. В первой из последующих глав московские смотры невест помещаются в евразийский контекст и разбирается множество возможных вариантов происхождения обычая. В первой главе высказывается мнение, что московский двор в начале XVI века был вдохновлен примером византийского смотра невест в VIII и IX веках. Сроки очень важны. Именно в начале XVI века исчез первостепенный и любимый источник царских невест — Москва приобрела контроль над западной частью Евразии и поглотила, лишила трона или уничтожила местные княжеские династии. Также именно тогда Московия поставила крест на иностранных дипломатических союзах: катастрофический брак между дочерью великого князя Ивана III и великим князем Литовским в 1495 году доказал, что ограниченные и сомнительные выгоды междинастических

браков не перевешивают их непомерной цены и болезненных вопросов, вызываемых браком с человеком неправославной веры. Наконец, спор о престолонаследии, разгоревшийся в Московии между 1497 и 1502 годами, показал опасности брака правителя с дочерью видного боярина и риск нарушить хрупкое равновесие фракций при дворе. Смотры невест были введены в ответ на все эти проблемы. Они стали украшением системы ритуалов, с помощью которых правитель мог выбрать отечественную невесту, а не иностранку, и происходящую из средних слоев провинциального дворянства, а не из семей знатных бояр.

Во второй главе исследуются изменения в ритуале на протяжении XVI и XVII веков. В ней определяются и анализируются три этапа смотра невест, начиная с региональных поисков невест, через вторую стадию — испытаний в Москве — к показу финалисток царю. В главе рассматриваются критерии отбора. В то время как официальные описания и иностранные отчеты о царских свадьбах подчеркивают красоту, благочестие и иные подробности внешности и личности невесты, оригинальные канцелярские документы отмечают также генеалогические связи кандидаток. Родство становится столь же важным критерием, как и прочие. В конце главы изучается, каким образом ряд новых ритуалов позволил переосмыслить идентичность невесты с целью компенсировать факт ее более низкого происхождения по сравнению с царем. В главе описано, как смотры невест помогали сконструировать образ самодержца, чье величие превозносится, а власть ничем не ограничена. Также описана реальность, стоявшая за этим образом: правитель выбирал себе невесту из кандидаток, уже тщательно отобранных боярами, их женами и родственниками. Обычай смотра невест, как он исполнялся в Московии на протяжении почти двух столетий, был просто несовместим с автократией и деспотией.

В третьей и четвертой главах прослеживается история смотра невест на протяжении XVI века. Третья глава начинается со второй женитьбы Василия III и заканчивается второй свадьбой Ивана IV. В этой главе показано, как смотр невест вырастает в существенный элемент политической культуры Московии, одновременно символизируя и обеспечивая ту политическую систему, что строилась вокруг женитьбы царя. В главе

рассматриваются вопросы, которые, по-видимому, ставились и были решены самими москвитями в связи с новым обычаем: устраивать ли смотр невест только для царя или организовывать его и для других мужчин династии? устраивать ли смотр невест только для первого брака царя или и для последующих тоже? насколько свободен царский выбор и какую роль в отборе должны играть бояре и царские фавориты? В четвертой главе особое внимание уделено брачным излишествам Ивана IV. Показано, как «Грозный царь» продолжал использовать смотры невест, чтобы жениться снова и снова, и исследуются политические и династические цели, стоявшие за многочисленными браками царя, а также связи между его свадьбами и женитьбами его сыновей. В главе представлены ответы на популярные вопросы: сколько жен было у Ивана IV (четыре, пять, семь или восемь)? насколько легитимны и каноничны были его браки? В этих двух главах приведены новые архивные материалы, проливающие свет на личную жизнь Ивана IV, представлены новые перспективы в анализе взаимосвязей между царскими браками и внешней и династической политикой Московии.

В пятой главе мы, следуя за хронологией, переходим к смотрам невест для первых двух царей династии Романовых. Здесь в центре нашего внимания хорошо задокументированные и печально известные скандалы, сорвавшие брачные планы царей: две потенциальные невесты были отравлены, еще одной намеренно слишком туго заплели волосы, и она упала в обморок, о другой распространяли скандальные слухи, — все эти девушки стали жертвами заговоров бояр и придворных фаворитов, считавших, что царский выбор невесты создаст угрозу их собственному положению при дворе. Благодаря счастливому стечению обстоятельств архивные источники дошли до наших дней и позволили сформировать взгляд на механизмы взаимовлияния политики и брака в России XVII века, о чем и идет речь в пятой главе.

В конце книги анализируется постепенное отмирание обычая смотра невест и восстановление междинастических браков как инструмента дипломатии в правление Петра I. Последние смотры невест состоялись в 1680-х годах. Именно тогда, еще до революционных реформ Петра I, политическая культура претерпевала фундаментальные изменения, лишавшие смотр невест

принадлежности к творимой заново политической культуре. Когда двор избавился от ряда отживших ритуалов и чинов, обычай смотра невест был исключен из культурного пространства и дворцовой политики. С исчезновением смотра невест династические браки вновь вошли в сферу дипломатии и внешней политики. Петр Великий благословлял брачные союзы своих детей и родственников с иностранными правителями, преследуя дипломатические цели. В отличие от государей XVI века он стремился изменить церковные каноны и правила, чтобы браки между членами православных и неправославных династий стали возможны. К концу правления Петра I Россия вновь появилась на королевском брачном рынке Европы, а эра смотров невест осталась в прошлом.

Щербатов знал и писал о брачных перипетиях в жизни самого Петра I, не одобряя их. В одном из своих наиболее известных сочинений — «О повреждении нравов в России» — он писал: «Не могу удержаться, чтобы не охулить развод его с первой супругою, рожденной Лопухиной, и второй брак, по пострижении первой супруги, с пленницею Екатериною Алексеевною»¹. Для Щербатова второй брак Петра был постыден вдвойне: тот не только пренебрег русской женой ради иностранки, но и женился новым браком на женщине низкого происхождения. Такое поведение, по мнению Щербатова, подавало дурной пример: «...ибо пример сей нарушения таинства супружества, ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можно его нарушать»². Щербатов считал, что второй брак первого русского императора приводит к проблеме неравных браков. Этот брак воскресил старые споры о повторных женитьбах государей. Он считал, что поведение царя демонстрирует равнодушие к святости таинства брака, что царь отмечает давние сомнения о культурных различиях между русскими женихами и иностранными невестами, а также возвращает иностранцев в Кремль спустя почти два века их отсутствия. Все эти и некоторые другие темы освещены в главах настоящей книги. Но по прочтении их нет никакой уверенности, что они получили бы одобрение Щербатова.

¹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 17–18.

² Там же. С. 155, 157.